

Научная статья

УДК 347.77

DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(1).142-149

EDN ULGQVR

Авторское право и смежные права в контексте интеграции: опыт ВТО и ЕАЭС

Андрей Алексеевич Богустов*Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Республика Беларусь**bogustov_aa@grsu.by, <https://orcid.org/0000-0001-6557-1494>***АННОТАЦИЯ**

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью анализа взаимодействия права ЕАЭС и ВТО в области авторского и смежных прав для выявления сходства и отличий в используемых ими механизмах регулирования. При исследовании использовались общие (анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование, сравнение и т.д.) и специальные (сравнительно-правовой, формально-догматический и историко-правовой) методы научного познания. Нормативную основу исследования составили Соглашение по торговым аспектам права интеллектуальной собственности, Договор о Евразийском экономическом союзе, международные договоры в рамках ЕАЭС, рекомендательные акты ЕАЭС и национальное законодательство государств – участников ЕАЭС. В результате исследования автор пришел к выводу о том, что регламентация авторских и смежных прав в рамках ВТО и ЕАЭС имеет сходство, которое обусловлено тем, что оно основывается на универсальных международных соглашениях об интеллектуальной собственности. Неполное совпадение круга универсальных международных соглашений, лежащих в основе права ВТО и ЕАЭС, предопределяет возможность дальнейшего развития законодательства ЕАЭС об интеллектуальной собственности вне рамок установленных ВТО. Расхождения в праве ВТО и ЕАЭС обусловлены отличиями в объеме и сфере применения ТРИПС и Договора о ЕАЭС, несовпадением мотивов их принятия и более широким кругом задач, решаемых ЕАЭС в сфере интеллектуальной собственности. Сделан вывод о том, что участие государств в международных организациях и интеграционных объединениях само по себе еще не гарантирует успешность процесса гармонизации законодательства об авторском праве и смежных правах, а достижение результатов этого процесса не носит одномоментного характера.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

авторское право, смежные права, объекты интеллектуальной собственности, гармонизация, интеграционные объединения, международная защита интеллектуальной собственности

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Богустов А.А. Авторское право и смежные права в контексте интеграции: опыт ВТО и ЕАЭС / А.А. Богустов. – DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(1).142-149. – EDN ULGQVR // Академический юридический журнал. – 2025. – Т. 26, № 1. – С. 142–149.

Original article

Copyright and neighbouring rights in the context of integration: the experience of the wto and the eaeu

Andrey A. Bogustov*Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus**bogustov_aa@grsu.by, <https://orcid.org/0000-0001-6557-1494>***ABSTRACT**

The relevance of the topic of the study is determined by the necessity to analyze the interaction between the EAEU and WTO law in the field of copyright and neighbouring rights, in order to identify the similarities and differences in the regulatory mechanisms used by them. When writing the article, the general (analysis and synthesis, induction and deduction, abstraction, comparison, etc.) and special methods of scientific cognition (comparative legal, formal-dogmatic and historical legal methods) were used. The normative foundation of the study was based by the Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights, the Treaty on the Eurasian Economic Union, international treaties within the EAEU, EAEU advisory acts and national legislation of the EAEU member states. The study's findings indicated that the regulation of copyright and related rights within the WTO and EAEU exhibits similarities, attributable to the utilization of universal

© Богустов А.А., 2025

international agreements on intellectual property as their regulatory foundation within these organizations. The incongruence between the range of universal international agreements which are basis of the WTO and EAEU law precludes the potential for further development of EAEU legislation on intellectual property beyond the parameters established by the WTO. The divergences observed in the WTO and EAEU legal frameworks are attributable to discrepancies in the scope and application of TRIPS and the EAEU Treaty, the incongruence of the rationales for their adoption, and the broader array of intellectual property-related challenges that the EAEU is tasked with addressing. The analysis indicates that the involvement of states in international organizations and integration associations does not inherently ensure the success of the harmonization process of legislation on copyright and neighbouring rights. The attainment of outcomes from this process is a gradual process that unfolds over time.

KEYWORDS

copyright, neighbouring rights, intellectual property objects, harmonization, integration associations, international protection of intellectual property

FOR CITATION

Bogustov A.A. Copyright and neighbouring rights in the context of integration: the experience of the WTO and the EAEU. *Akademicheskiiyuridicheskiiy zhurnal = Academic Law Journal*. 2025;26(1):142–149. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2025.26(1).142-149. EDN: ULGQVR.

Введение

В современных условиях, несмотря на все существующие в мире трудности и противоречия, одной из предпосылок для успешного решения стоящих перед любым государством задач является участие в международных интеграционных объединениях. Это оказывает влияние на различные сферы функционирования отдельных стран, включая их правовые системы. Можно согласиться с тем, что «принимая на себя международные обязательства, государство учитывает свои национальные правовые нормы, возможность, в случае необходимости, их изменения в целях приспособления к принимаемым государством международным обязательствам» [1, с. 5].

Сказанное в полной мере относится и к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС), который представляет собой наиболее успешный пример интеграционного объединения на постсоветском пространстве. ЕАЭС провозгласил своей целью создание единого (общего) рынка, представляющего собой «пространство, состоящее из территорий государств-членов, на котором функционируют сходные (сопоставимые) и однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных или унифицированных правовых норм, и существует единая инфраструктура» (статья 2 Договора о ЕАЭС)¹. Достижение этой цели предполагает, в том числе гармонизацию законодательства в области интеллектуальной собственности. Нормативную основу этой деятельности составляет раздел XIII Договора о ЕАЭС, правила которого детализи-

руются в «Протоколе об охране и защите прав интеллектуальной собственности», который является Приложением № 26 к Договору о ЕАЭС (далее – Протокол).

Но в этой области правового регулирования ЕАЭС сталкивается с определенными трудностями в достижении поставленных целей. Например, современные исследователи справедливо замечают, что «положения об охране объектов интеллектуальной собственности, включенные в Договор о ЕАЭС, в настоящее время в большей степени являются поверхностными» [2, с. 155], а в ЕАЭС «недостаточно разработана правовая база, ориентированная на глубокую гармонизацию защиты прав на объекты интеллектуальной собственности» [3, с. 22].

Следует учитывать, что ЕАЭС существует не изолировано от иных международных организаций. Например, очевидным является пересечение сфер деятельности ЕАЭС и ВТО. Из преамбулы к Договору о ЕАЭС следует, что Союз создавался с учетом «норм, правил и принципов Всемирной торговой организации». В этой связи современные исследователи отмечают, что «право ЕАЭС заимствовало основные принципы права ВТО» [4, с. 205]. Это касается и сферы интеллектуальной собственности. Основополагающим документом в праве ВТО в этой области является Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее – ТРИПС, Соглашение ТРИПС)².

Сказанное выше приводит к выводу о необходимости анализа основных аспектов соотно-

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=F01400176> (дата обращения: 20.12.2024).

² Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности. Приложение 1С к Соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апр. 1994 г. URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/text/379915#_edn1 (дата обращения: 20.12.2024).

шения права ВТО и ЕАЭС об интеллектуальной собственности на примере авторского и смежных прав. Подобное определение предмета исследования обусловлено тем, что для ВТО и ЕАЭС авторское и смежные права приобретают особое значение и являются ключевыми сферами интеллектуальной собственности. Кроме того, авторское право является основой для развития других областей интеллектуальной собственности. Современные исследователи отмечают, что «авторское право является одним из самых древних элементов правового регулирования интеллектуальной собственности» [5, с. 28]. Это позволяет говорить о том, что именно авторское право способствовало формированию правового регулирования отношений интеллектуальной собственности и определяет ориентиры его развития в настоящем.

При подготовке настоящей статьи использовались как общие (анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование, сравнение и т.д.), так и специальные (сравнительно-правовой, формально-догматический и историко-правовой) методы научного познания.

Результаты исследования

Координация между национальным и международным правом, к которому относятся нормативные предписания ВТО и ЕАЭС, выступает необходимым условием для обеспечения правовой согласованности и выполнения международных обязательств. Следует согласиться с тем, что «влияние норм международного права на национальное выражается в появлении новых норм в национальном законодательстве, изменении или отмене существующих норм» [6, с. 94].

В этой связи очевидно, что ВТО и ЕАЭС стремятся обеспечить единообразие и гармонизацию нормативных предписаний об интеллектуальной собственности в национальном законодательстве государств-членов. При этом право ЕАЭС учитывает положения Соглашения ТРИПС. Высказывается даже мнение о том, что это Соглашение ТРИПС выступает, помимо прочего, правовой базой соглашений ЕАЭС [7, с. 69].

В качестве примера взаимодействия права ВТО и ЕАЭС по вопросам авторского и смежных прав можно привести прямые отсылки к ТРИПС, содержащиеся в пунктах 4 и 9 Протокола. Однако, несмотря на стремление к гармонизации, существуют различия в подходах ВТО и ЕАЭС к регулированию рассматриваемой группы отношений. Соотношение между правом ВТО и ЕАЭС в сфере авторско-правового регу-

лирования характеризуется как взаимодействием, так и возможными противоречиями.

Наличие сходства права ЕАЭС и ВТО по вопросам авторского и смежных прав является результатом того, что регулирование этих отношений в рамках обеих организаций осуществляется в соответствии с нормами основополагающих международных договоров в этой сфере.

Из статьи 90 Договора о ЕАЭС следует, что такими актами являются Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений, Договор ВОИС по авторскому праву, Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам, Конвенция об охране интересов производителей фонограмм от незаконного воспроизводства их фонограмм, Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций.

В то же время из статьи 2 ТРИПС следует, что в отношении авторского и смежных прав государства-члены должны руководствоваться обязательствами, вытекающими из Бернской конвенции и Международной конвенции об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций.

Следовательно, Договор о ЕАЭС использует в качестве основы для формирования нормативной базы более широкий круг универсальных международных соглашений об авторском и смежных правах. Очевидно, что Соглашение ТРИПС и не могло ссылаться на принятые в 1996 году Конвенции ВОИС. Но при этом можно выделить ряд общих для них положений. Они касаются в частности охраны компьютерных программ как литературных произведений (статья 10 Соглашения ТРИПС и статья 4 Договора ВОИС по авторскому праву³) и компиляций (баз) данных как таковых (статья 10 Соглашения ТРИПС и статья 5 Договора ВОИС по авторскому праву). Во многом также совпадают положения, касающиеся проката компьютерных программ, кинематографических произведений и фонограмм (статья 11 Соглашения ТРИПС, статья 7 Договора ВОИС по авторскому праву и статья 9 Договора ВОИС по исполнениям и фонограммам⁴).

Из этого можно сделать вывод о том, что несовпадение круга универсальных международных соглашений по интеллектуальной соб-

³ Договор ВОИС по авторскому праву от 20 дек. 1996 г. // Ведомості Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь (Дадатак). 1998. № 1. Ст. 511.

⁴ Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам от 20 дек. 1996 г. // Ведомості Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь (Дадатак). 1998. № 1. Ст. 510.

ственности, лежащих в основе Договора о ЕАЭС и ТРИПС, само по себе не приводит к существенному расхождению их содержания, но предопределяет возможность дальнейшего развития законодательства ЕАЭС об авторском и смежных правах вне рамок установленных ВТО.

Сравнение законодательства ВТО и ЕАЭС в области авторского и смежных прав позволяет выявить ряд существенных отличий в механизмах регулирования отношений интеллектуальной собственности.

Прежде всего можно говорить о несхожести в объеме и сфере применения положений права ВТО и ЕАЭС.

Из анализа пункта 1 статьи 1 ТРИПС следует вывод, что государства-члены: 1) вводят в действие положения Соглашения; 2) могут, но не обязаны предоставлять в национальных законах больший уровень охраны, чем предусмотрено в Соглашении; 3) вправе самостоятельно определять методы выполнения предписаний Соглашения в национальном законодательстве и правоприменительной практике. Таким образом, ТРИПС требует от государств-членов соблюдения минимальных (базовых) стандартов, но не обязывает к полной гармонизации национального законодательства.

Примером подобного подхода в отношении авторских прав служит статья 13 ТРИПС, закрепляющая возможность установления изъятий и ограничений в отношении исключительных прав, которые не должны вступать «в противоречие с обычным использованием произведения и необоснованно не ущемляют законные интересы владельца прав». То есть ограничения интересов правообладателей могут быть установлены на национальном уровне при соблюдении минимальных требований предусмотренных ТРИПС.

ТРИПС практически не содержит положений, касающихся субъективных авторских прав. По этому вопросу оно отсылает к правилам Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений⁵. Лишь в статье 11 ТРИПС закрепляется право на прокат «в отношении, по меньшей мере, программ для электронно-вычислительных машин и кинематографических произведений».

В рамках ЕАЭС осуществляется деятельность, направленная на детализацию законода-

тельства государств-членов в области авторских и смежных прав, что подразумевает создание единых либо в значительной степени сходных норм и механизмов защиты. В частности, в пункте 3 Протокола содержится минимальный перечень субъективных авторских прав, которые должны быть отражены в национальном законодательстве. Кроме того, в пункте 4 Протокола содержатся специальные правила, касающиеся отдельных объектов авторского права (программ для электронно-вычислительных машин, составных и производных произведений).

Указанное расхождение в подходах ТРИПС и Договора о ЕАЭС к регламентации авторского и смежных прав можно объяснить различиями в первопричинах принятия этих соглашений. Зарубежные авторы, анализируя ТРИПС, обращают внимание на то, что оно направлено в первую очередь на защиту интересов правообладателей на рынках развивающихся стран, которые «были заинтересованы в доступе на американский и европейский рынки для торговли текстилем и сельскохозяйственной продукцией и были готовы заплатить за это участием в Соглашении ТРИПС и нести риск применения ответных мер в случае, если им не удастся установить адекватную законодательную защиту интеллектуальной собственности» [8, с. 139]. То есть, помимо прочего, ТРИПС направлено на стимулирование участия государств в международных соглашениях в сфере интеллектуальной собственности. При этом современными авторами признается, что цель гармонизации законодательства в рамках ТРИПС является на настоящий момент труднодостижимой: «Хотя соглашение и обязывало страны-участницы внести некоторые минимальные коррективы в существующее законодательство, в целом настоящее положение дел далеко от унифицированной системы законодательства об интеллектуальной собственности» [9, с. 38].

Отметим, что государства – члены ЕАЭС на момент создания этой организации уже являлись участниками основополагающих соглашений в области авторского и смежных прав. И предписания права ЕАЭС направлены не на обеспечение присоединения государств-членов к универсальным соглашениям в этой области, а на достижение как можно большего сходства в закреплении положений этих конвенций в национальном законодательстве. Договор о ЕАЭС стремится обеспечить достаточную степень единства национального права государств-членов в процессе имплементации правил международных договоров, при котором «дословное воспроизведение

⁵ Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сент. 1886 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=i08600001> (дата обращения: 20.12.2024).

таких норм, чаще всего представляющих собой компромисс между терминами и понятиями, взятыми из права разных стран, а то и из разных правовых систем, невозможно и даже вредно. Поэтому, за редкими исключениями, международные унификационные договоры не требуют дословного воспроизведения унифицированных норм в национальных законах» [10, с. 153].

Наиболее очевидное расхождение Договора о ЕАЭС и ТРИПС проявляется в вопросе о личных неимущественных правах. ТРИПС не содержит положений, касающихся подобных прав. На это указывает пункт 1 статьи 9 рассматриваемого Соглашения, в котором закреплено, что государства – члены ВТО не имеют прав или обязательств в рамках ТРИПС в отношении прав, предоставляемых согласно статье 6-бис Бернской конвенции, или прав, вытекающих из нее. Принимая во внимание то, что ТРИПС, исходя из своего названия, регламентирует торговые аспекты права интеллектуальной собственности, это выглядит достаточно последовательно. Это связано с тем, что «личные неимущественные права не являются ни отчуждаемыми, ни передаваемыми. Поэтому личные неимущественные права на произведение науки, литературы, искусства принадлежат только гражданину, создавшему творческим трудом это произведение» [11, с. 253].

В приведенном ранее пункте 3 Протокола в числе субъективных авторских прав автора упоминаются право авторства, право на неприкосновенность произведения и право на обнародование, что указывает на включение в сферу компетенции ЕАЭС и регламентацию личных неимущественных прав автора. Кроме того, в пункте 6 Протокола к смежным правам отнесено право исполнителя на имя.

На наш взгляд, указанные положения корреспондируют к пункту 2 статьи 89 Договора о ЕАЭС, относящему к числу направлений сотрудничества государств-членов «предоставление благоприятных условий для обладателей авторского права и смежных прав государств-членов». На основании этого можно сделать вывод, что Договор о ЕАЭС в вопросе регламентации авторско-правовых отношений ставит более широкие задачи, чем регулирование международной торговли этими объектами.

Несовпадение сфер действия Договора о ЕАЭС и ТРИПС в отношении авторского и смежных прав проявляется и в вопросе о коллективном управлении правами. Соглашение ТРИПС не регламентирует эту группу отношений, поскольку они не охватываются процессом

международной торговли. Этой проблеме посвящен пункт 10 Протокола, положения которого конкретизируются в Соглашении о порядке управления авторскими и смежными правами на коллективной основе⁶.

В свою очередь Соглашение ТРИПС, в отличие от Договора о ЕАЭС, достаточно подробно регламентирует вопросы обеспечения соблюдения прав интеллектуальной собственности, включая авторские и смежные права (часть III Соглашения ТРИПС). В Протоколе же правоприменительным мерам по защите прав интеллектуальной собственности посвящен всего один пункт (пункт 41). Он не закрепляет каких-либо конкретных мер, а лишь устанавливает, что координация действий государств в этой сфере «осуществляется в соответствии с международным договором в рамках Союза». Таким соглашением является «Договор о координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности»⁷, который, как следует из его названия, направлен лишь на создание условий для совместных действий государств-членов по предотвращению и пресечению нарушений прав на интеллектуальную собственность.

Еще одним вопросом, в отношении которого наблюдаются расхождения права ЕАЭС и ВТО, является проблема защиты авторских и смежных прав в условиях цифровизации и интернет-торговли.

Говоря о праве ВТО, можно согласиться с С.В. Комендантовым, указавшем, что: «в ТРИПС отсутствуют статьи, направленные на регулирование авторских или смежных прав в Интернете, однако там предусмотрена защита интеллектуальной собственности, в том числе и в сети Интернет» [12, с. 1–5]. Следовательно, ТРИПС распространяет общие принципы охраны и защиты авторских прав и на случаи возникновения отношений в цифровой среде.

Ограниченный характер воздействия ТРИПС на регламентацию авторских и смежных прав в сети Интернет может в значительной степени объясняться нежеланием распространять его действие на области, выходящие за рамки международной торговли. Например, американский юрист Р. Окедихи констатирует, что в ТРИПС

⁶ Соглашение о порядке управления авторскими и смежными правами на коллективной основе от 11 дек. 2017 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2018. № 44.

⁷ Договор о координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности от 8 сент. 2015 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2016. № 28.

«отсутствует четкое регулирование в области, связанной с распространением данных в сети Интернет. В данной сфере существует конфликт между авторским правом и правом на доступ к информации, доступ к знаниям» [9, с. 41].

Договор о ЕАЭС также не содержит правил непосредственно касающихся охраны авторского и смежных прав в цифровой среде, однако это направление развития правового регулирования рассматривается в рамках этой организации в качестве одной из возможных перспектив. Например, на уровне рекомендательных актов государствам-членам предлагается использовать наиболее эффективные инструменты и механизмы по защите прав интеллектуальной собственности в сети Интернет⁸. Кроме того, в ЕАЭС разработан проект Соглашения о подходах к борьбе с нарушениями прав на объекты интеллектуальной собственности в интернете⁹. Таким образом, право ЕАЭС допускает возможность создания специальных механизмов в этой сфере на национальном и межгосударственном уровнях и создает предпосылки для гармонизации правового регулирования.

Успешным примером взаимодействия права ВТО и ЕАЭС по вопросам авторского права является установление сроков его охраны. В этом случае право ЕАЭС прямо ссылается на положения Соглашения ТРИПС. Например, из пункта 4 Протокола следует, что государства-члены обеспечивают соблюдение сроков охраны исключительного права, которые будут не ниже сроков, установленных Бернской конвенцией и Соглашением ТРИПС. В законодательстве государств-членов могут быть закреплены большие сроки охраны указанных прав.

При этом большинство государств-участников ЕАЭС в настоящее время предусматривают более длительные сроки охраны. Законодательство ряда стран, например, Гражданский кодекс (далее – ГК) Армении (статья 1131 ГК), Казахстана (статья 982 ГК) и России (статья 1281 ГК),

устанавливает, что по общему правилу исключительное право на произведение действует в течение всей жизни автора и 70 лет после его смерти. Белорусское законодательство лишь в ноябре 2024 года увеличило срок охраны авторского права после смерти автора – с 50 до 70 лет в результате вступления в силу комплекса изменений в ГК (часть 2 пункта 4 статьи 994 ГК Беларуси). Законодательство Кыргызстана ограничивает срок охраны авторских прав 50 годами после смерти автора (статья 1 071 ГК). Это служит подтверждением того, что участие государств в международных организациях и интеграционных объединениях еще не гарантирует успешность процесса гармонизации законодательства об авторском праве, а достижение результатов этого процесса не носит одномоментного характера.

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Сходство положений ЕАЭС и ВТО по вопросам авторского и смежных прав выступает результатом того, что их регламентация в рамках этих организаций базируется на основе универсальных международных соглашений.

2. Несовпадение круга универсальных международных соглашений по вопросам интеллектуальной собственности, лежащих в основе Договора о ЕАЭС и ТРИПС, само по себе не приводит к существенному расхождению их содержания, но предопределяет возможность дальнейшего развития законодательства ЕАЭС об авторском и смежных правах вне рамок установленных ВТО.

3. Существуют отличия в объеме и сфере применения положений права ВТО и ЕАЭС. ТРИПС требует от государств-членов соблюдения минимальных (базовых) стандартов, но не обязывает к полной гармонизации национального законодательства. В рамках ЕАЭС осуществляется деятельность, направленная на детализацию законодательства государств-членов в области авторского и смежных прав, что подразумевает создание единых либо в значительной степени сходных норм и механизмов защиты.

4. Указанные отличия обусловлены несходством в мотивах принятия этих соглашений. ТРИПС направлено на стимулирование участия государств в международных соглашениях в сфере интеллектуальной собственности. Договор о ЕАЭС стремится обеспечить достаточную степень единства национального права государств-членов в процессе имплементации положений международных договоров.

⁸ Об основных подходах при осуществлении деятельности по защите прав на объекты интеллектуальной собственности в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в государствах-членах Евразийского экономического союза: Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 24 нояб. 2020 г. №21 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=f02000353&q_id=1313948 (дата обращения: 20.12.2024).

⁹ В ЕАЭС разработан проект Соглашения о подходах к борьбе с нарушениями прав на объекты интеллектуальной собственности в интернете. URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2024/december/79870> (дата обращения: 20.12.2024).

5. Наличие в Договоре о ЕАЭС положений о личных неимущественных правах автора указывает на то, что он ставит более широкие задачи, чем ТРИПС: данное соглашение направлено лишь на регламентацию международной торговли объектами интеллектуальной собственности.

6. Участие государств в международных организациях и интеграционных объединениях еще не гарантирует успешность процесса гармонизации законодательства об авторском и смежных правах, а достижение результатов этого процесса не носит одномоментного характера.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зыбайло А.И. К вопросу о соотношении международного и национального права (теоретические аспекты) / А.И. Зыбайло. — EDN NEPKGV // Белорусский журнал международного права и международных отношений. — 1998. — № 3. — С. 3–9.
2. Заяц А.П. Перспективы развития положений Договора о ЕАЭС в сфере интеллектуальной собственности / А.П. Заяц. — EDN SZNFMI // Интеллектуальная собственность в современном мире: вызовы времени и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. — Минск, 20 окт. 2021 г. — Минск, 2021. — Ч. 1. — С. 154–158.
3. Гончар Т.М. Развитие системы таможенных мер защиты прав на интеллектуальную собственность в Евразийском экономическом союзе / Т.М. Гончар. — EDN NZOOCF // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. — 2021. — № 3. — С. 18–24.
4. Микаелян И.А. Некоторые вопросы членства государств в Евразийском экономическом союзе и право Всемирной торговой организации / И.А. Микаелян. — EDN YKKXUH // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2017. — Т. 2, № 3. — С. 202–207.
5. Керженова А.Р. Авторское право в системе интеллектуальной собственности / А.Р. Керженова. — EDN VLXRZD // Вестник Пензенского государственного университета. — 2018. — № 1(21). — С. 28–31.
6. Кудрявцева Л.В. Влияние норм международного права на развитие национального законодательства / Л.В. Кудрявцева. — DOI 10.47643/1815-1337_2022_1_94. — EDN KNLASV // Право и государство: теория и практика. — 2022. — № 1 (205). — С. 94–97.
7. Канатов Т.К. Понятие авторских прав в странах Евразийского экономического Союза / Т.К. Канатов. — EDN VOIWFJ // Евразийская адвокатура. — 2016. — № 1 (20). — С. 69–72.
8. Афанасьева Е.Г. Глобальные и национальные режимы и модели защиты прав интеллектуальной собственности (реферативный обзор) / Е.Г. Афанасьева, Т.А. Гвимрадзе, И.И. Нагорная. — EDN XEVVAP // Право в условиях глобализации: новые научные подходы и практики : сб. науч. тр. — Москва, 2016. — С. 136–145.
9. Современные проблемы международного права интеллектуальной собственности. (Реферативный обзор) / Е.Г. Афанасьева, Т.А. Гвимрадзе, И.С. Данилов, Б.А. Новрузов. — EDN YOIOMP // Право интеллектуальной собственности : сб. науч. тр. — Москва, 2017. — С. 35–49.
10. Гарибян А.С. Имплементация норм Парижской конвенции об охране промышленной собственности в российское законодательство / А.С. Гарибян. — EDN QZBHZF // Аналитика культурологии. — 2010. — № 18. — С. 152–154.
11. Белькова Е.Г. Признание авторских прав / Е.Г. Белькова. — DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(2).249-257. — EDN KLEYWE // Академический юридический журнал. — 2024. — Т. 25, № 2. — С. 249–257.
12. Комендантов С.В. Защита интеллектуальных прав: некоторые нормы и механизмы ВТО, ВОИС и ЕАЭС / С.В. Комендантов. — EDN FRFEKG // Международный правовой курьер. — 2022. — № 3. — С. 1–5.

REFERENCES

1. Zybaylo A.I. On the question of the relationship between international and national law (theoretical aspects). *Belorusskii zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii* = *Belarusian journal of international law and international relations*, 1998, no. 3, pp. 3–9. (In Russian). EDN: NEPKGV.
2. Zayats A.P. Prospects for the development of the provisions of the EAEU Treaty in the field of intellectual property. *Intellectual property in the modern world: challenges of the time and development prospects. Materials of International Scientific Conference, Minsk, October 20, 2021*. Minsk, 2021, pt. 1, pp. 154–158. (In Russian). EDN: SZNFMI.
3. Gonchar T.M. Development of a System of Customs for the Protection of Intellectual Property Rights in the Eurasian Economic Union. *Satsyyal'na-Ehkanamichnyya i Pravavya Dasledavann* = *Social-economic and legal studies*, 2021, no. 3, pp. 18–24. (In Russian). EDN: NZOOCF.
4. Mikaelyan I.A. Some issues of membership of states in the Eurasian Economic Union and the law of the World Trade Organization. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* = *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2017, vol. 2, no. 3, pp. 202–207. (In Russian). EDN: YKKXUH.
5. Kerzenova A.R. Intellectual Property Copyright. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Vestnik of Penza State university*, 2018, no. 1, pp. 28–31. (In Russian). EDN: VLXRZD.
6. Kudryavtseva L.V. Influence of the Norms of International Law on the Development of National Legislation. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* = *Law and State: The Theory and Practice*, 2022, no. 1, pp. 94–97. (In Russian). EDN: KNLASV. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_1_94.

7. Kanatov T.K. The concept of copyright in the countries of the Eurasian Economic Union. *Evrasiiskaya advokatura = Eurasian Advocacy*, 2016, no. 1, pp. 69–72. (In Russian). EDN: VOIWJF.
8. Afanas,eva E.G., Gvimradze T.A., Nagornaya I.I. *Global and national intellectual property protection regimes and models (abstract review). Law in globalization: new scientific approaches and practices. Collected Papers*. Moscow, 2016, pp. 136–145. (In Russian). EDN: XEVVAP.
9. Afanas,eva E.G., Gvimradze T.A., Danilov I.S., Novruzov B.A. *Contemporary problems of international intellectual property law. (Abstract review). Intellectual property law. Collected Papers*. Moscow, 2017, pp. 35–49. (In Russian). EDN: YOIOMP.
10. Garibyan A.S. Implementation of the norms of the Paris Convention for the Protection of Industrial Property in Russian legislation. *Analitika kul'turologii = Analytics of Cultural Studies*, 2010, no. 18, pp. 152–154. (In Russian). EDN: QZBHZF.
11. Bel'kova E.G. Recognition of Copyrights. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2024, vol. 25, no. 2, pp. 249–257. (In Russian). EDN: KLEYWE. DOI: 10.17150/1819-0928.2024.25(2).249-257.
12. Komendantov S.V. Protection of intellectual rights: some WTO, WIPO and EAEU rules and mechanisms. *Mezhdunarodnyi pravovoi kur'er = International Legal Courier*, 2022, no. 3, pp. 1–5. (In Russian). EDN: FRFEKG.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Алексеевич Богустов — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права. Гродненский государственный университет им. Янки Купалы. 230012, Республика Беларусь, Гродно, пер. Доватора, 3/1. SPIN-код: 1905-6539.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey A. Bogustov — Ph.D. in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Law. Yanka Kupala State University of Grodno. 3/1, Dovator lane, Grodno, Republica Belarus, 230012. SPIN-code: 1905-6539.

Поступила в редакцию / Received 09.01.2025

Доработана после рецензирования / Revised 27.01.2025

Принята к публикации / Accepted 20.03.2025